Дементьева В.В.

Закон о создании должности военных трибунов с консульской властью

[Stable URL: http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2150]

[Публикация работы:]
Дементьева В.В. 1999: Закон о создании должности военных трибунов с консульской властью // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2 (5), 57-64.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

© Дементьева В. В., 1999

В. В. ДЕМЕНТЬЕВА*

ЗАКОН О СОЗДАНИИ ДОЛЖНОСТИ ВОЕННЫХ ТРИБУНОВ С КОНСУЛЬСКОЙ ВЛАСТЬЮ

Процесс формирования политической системы Римской республики интенсивно проходивший в V–IV вв. до н. э., включал в себя как создание структур ординарной и чрезвычайной власти, так и отказ от некоторых из них по прошествии определенного времени. К числу таких органов управления римской общиной, существование которых хронологически не вышло за пределы Ранней республики, но оказало заметное влияние на государственное и социальное устройство civitas, относится консулярный военный трибунат. Должность, носители которой в передаче античной традиции назывались tribuni militum consulari potestate (*Liv.* IV. 6. 8; D. I. 2. 2. 25), tribuni militum pro consulibus (*Liv.* IV. 7. 1), tribuni militum pro consule (*Liv.* IV. 41. 10), tribuni consulares (*Liv.* VI. 1. 1; VIII. 3. 16), tribuni militum consulari imperio (I. L. S. 2 12; *Gell.* XVII. 21. 19), функционировала в Риме с 444 по 367 г. до н. э. Создание и ликвидация высшей магистратуры – это изменения, безусловно, конституционные. Поэтому далеко не праздным с точки зрения изучения римского государственного права является вопрос о том, на основе каких актов должность была введена и упразднена. Что касается прекращения существования магистратуры военных трибунов с консульской властью, то здесь ситуация вполне ясна: отмена ее произошла на основе третьего из хорошо известных законов плебейских трибунов 367 г. до н. э. Гая Лициния Столона и Луция Секстия Латерана (leges Liciniae Sextiae). Гораздо более сложным является вопрос о том, что послужило правовым основанием для создания магистратуры, каков был характер принятого решения о ее введении, кто и когда это решение принял.

Картина изучения очерченного круга вопросов выглядит в историографии следующим образом. Ряд исследователей, посвятивших консулярному военному трибунату специальные статьи, предпочли эту проблему не затрагивать, т. е. не выяснять правовые основы оформления магистратуры, рассматривая ее только как историческую данность[1].

У других авторов не возникало потребности объяснять, на основе какого акта должность консулярных трибунов была введена, поскольку их концепции не оставляли для такового места. Так, Рафаэль Сили трактовал ситуацию 445–444 гг. следующим образом. Напряжение между сословиями привело сначала к бойкоту плебеями консульских выборов, а затем к отказу подчиняться избранным консулам. Когда большая часть войска отказалась повиноваться консулам и те не могли выполнять свои функции, сенат распорядился, чтобы три к тому времени уже избранных для руководства войсковыми подраз-

---

* Дементьева Вера Викторовна – кандидат исторических наук, доцент Кафедры всеобщей истории, Исторического факультета Ярославского государственного университета.

[1] *Lange L.* Über Zahl und Amtsgewalt der Consulartribunen (1855) // Lange L. Kleine Schriften aus dem Gebiet der classischen Alterthumwissenschaft. Göttingen, 1887. Bd. 1. S. 235–273; *Münzer F.* Consulartribunen und Censoren // Hermes. 1922. Bd. 57. S. 134–149; *Adcock F. E.* Consular Tribunes and Successors // The Journal of Roman Studies. 1957. Vol. 47. P. 9–14; *Pinsent J.* Military tribunes and Plebeian consuls: The Fasti from 444 V to 342 V // Historia. 1975. H. 24. P. 29–61; *Kirby V.* The Consular Tribunate and the Roman Oligarchy // Mundus antiquus. Melbourne, 1976. Vol. 1. P. 24–29; *Drummond A.* Consular Tribunes in Livy and Diodorus // Athenaeum. 1980. Vol. 58. P. 58–72; *Ridly R. T.* The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy // Klio: Beiträge zur Alten Geschichte. 1986. Bd. 68. H. 1. P. 444–465.

делениями военных трибуна взяли верховное командование в свои руки[2]. По мнению Р. Сили, впоследствии, каждый раз, когда выборы не приводили (из-за позиции плебеев) к избранию консулов, по приказу сената военные трибуны наделялись верховными полномочиями. Получается, согласно такой концепции, что для консулярного трибуната никакой правовой базы создано не было, все определяли обстоятельства. Однако странно думать, что римляне в течение почти восьми десятилетий более пятидесяти раз создавали магистратуру только «на основе обстоятельств», «по прецеденту». При их отношении к закону, к обычаям предков, традиции, к миру богов, воля которых узнавалась непреложно во всех важных государственных мероприятиях, такое представить невозможно. Нельзя забывать, что у римлян был предусмотрен легитимный выход из ситуации полного отсутствия исполнительной власти – это interregnum[3]. Поэтому неизбранием консулов объяснять передачу высшей власти внеконституционным путем командирам воинских подразделений, по меньшей мере, несерьезно. К тому же зачем было законодательно отменять в 367 г. властную структуру, если она никогда не была правовым образом оформлена? Сказанным определяется наше несогласие с трактовкой появления магистратуры военных трибунов с консульской властью не на основе государственно-правовых постановлений, а в виде «политического реагирования» сената на обстоятельства без должным образом оформленных решений.

Другая точка зрения, также автоматически выносящая за скобки вопрос о наличии и характере акта о создании в 444 г. до н. э. новой магистратуры, принадлежит Давиду Зольбергу[4]. Согласно его гипотезе, после изгнания Тарквиния, когда аристократия решила не избирать нового царя, единственными носителями государственной власти оказались трое командующих военными контингентами, выставлявшимися гентильными трибами – tribuni, они же praetores (один из которых во время войны исполнял роль praetor maximus). В таком виде эта первая, на взгляд Д. Зольберга, высшая республиканская магистратура просуществовала до 367 г. до н. э., когда двое из трибунов-преторов превратились в консулов, а третий сохранил одно из прежних названий. Никакого консулярного военного трибуната, по утверждению Д. Зольберга, в 444–367 гг. не существовало, а потому вопрос о способе его введения сам собою для этого автора снимается.

Естественно, что в отличие от названных авторов многие исследователи были далеки от того, чтобы отрицать саму должность военных трибунов с консульской властью или всякую правовую основу для ее возникновения. При этом в романистике еще в XIX в. был поставлен вопрос о том, была ли она предусмотрена с самого начала конституирования Республики, или решение о ее создании было принято незадолго до первого случая функционирования этой магистратуры. Давший толчок обсуждению многих вопросов римского государственного права Теодор Моммзен писал о создании консулярного трибуната, что трудно решить, была ли потребность в нем «почувствована одновременно с введением Республики или впервые позднее появилась»[5]. Все же он склонялся к тому, что консулярный трибунат, так же как и диктатура, были интегрированы в «консульскую конституцию», т. е. предусмотрены в «основном законе Республики, на котором покоился и сам консулат»[6]. Так же, как он отрицал особый lex de dictatore creando[7], Т. Моммзен фактически не признавал и специальный закон о введении должности tribuni militum consulari potestate, считая, что римская традиция ничего о нем не знает. Видимо, этот «основной закон республики» и имел в виду «старый мастер», как назвал Т. Моммзена

---

[2] *Sealey R.* Consular tribunes once more // Latomus. 1959. Vol. 18. P. 521–530.

[3] См.: *Дементьева В. В.* Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998.

[4] *Sohlberg D.* Militärtribunen und verwandte Probleme der Frühen Römischen Republik // Historia. 1991. Bd. XL. S. 257–274.

[5] *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1974. Bd. 2. S. 165.

[6] Ibid. S. 165.

[7] Ibid. S. 127–129. См. об этом: *Дементьева В. В.* Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н. э.). Ярославль, 1996. С. 21–22.

Ф. Мюнцер[8], когда заново обратился к консульскому трибунату в последний год своей жизни (эта статья была опубликована за несколько месяцев до смерти Т. Моммзена)[9]. В данной публикации он, говоря о фиксации «в законе», без уточнения в каком именно, количества консулярных трибунов, отмечал, что в противоположность числу два для консулов, для них было определено не абсолютное, а только «множественное число», и, если в ходе выборов сразу получали поддержку более двух кандидатов, никакого дальнейшего избрания не проводилось[10].

Если, таким образом, по Т. Моммзену, получалось, что перед началом функционирования консулярного трибуната никаких законодательных изменений в структуре исполнительной власти проведено не было, ибо они уже были более чем за полвека до того продуманы и закреплены в «основном законе республики», то, по мнению других исследователей, эти изменения имели место в 445 г. до н. э. и их следует назвать, как считал Жак Эргон, конституционными[11]. Действительно, трудно согласиться с Т. Моммзеном, даже преклоняясь перед его авторитетом, что основатели республики оказались настолько предусмотрительными и прозорливыми, что позаботились о создании магистратуры, востребованной в государственной практике только через шестьдесят пять лет. Конечно же, следует признать правоту той точки зрения, что только непосредственно перед избранием первых консулярных трибунов римляне прибегли к конституционным изменениям.

Что же представляли собой эти конституционные изменения? В каких понятиях римского государственного права и политической жизни Ранней республики мы можем их описать? Был ли это закон (lex) или какой-либо другой акт, который в понимании римлян обеспечивал легитимность нововведения? Исследователи часто пишут о «сенатском решении» 445 г.[12] Но при этом обычно трудно понять, что имеется в виду: сенатское постановление о конкретном избрании в 444 г. военных трибунов с консульской властью, или принципиальное решение о создании должности. Иногда в специальной литературе используются термины на новых языках, которые не всегда однозначно можно соотнести с тем или иным римским политико-правовым актом, например, Стюарт Стэвели называет «the decree 445»[13], т. е. «декрет 445 г.» Встречаются также в историографии мимоходом употребленные обозначения акта этого года как «закона», без аргументации в пользу такого толкования и без историографических экскурсов по поводу трактовки характера этого постановления, как, например, в статье Энн Боддингтон[14].

Собственно понимание конституционных изменений 445 г. как особого закона о военных трибунах с консульской властью (lex de tribunis militum consulari potestate creandis) появилось в антиковедении XIX в. Его следует связать с именами Э. Херцога и П. Виллемса[15]. Эрнст Херцог особенно подчеркивал, что «введение этого компромиссного института было осуществлено законным путем и даже, на наш взгляд, через специальный закон от 445 г.»[16], и высказал некоторые соображения по поводу содержания этого закона.

Сомнения в том, что в 445 г. до н. э. был принят особый закон о новой магистратуре, появились в специальной литературе начала XX в., что в определенной мере было частным проявлением гиперкритических тенденций в антиковедении этого времени. Так,

---

[8] *Münzer F.* Op. cit. S. 134.

[9] *Mommsen Th.* Das Neugefundene Bruchstück der Capitolinischen Fasten // Hermes. B., 1903. Bd. 38, H. 1. S. 116–124.

[10] Ibid. S. 118.

[11] *Heurgon J.* The Rise of the Rome to 264 B C. L., 1969. P. 173–174.

[12] *Staveley E. S.* The Significance of the Consular tribunate // The Journal of Roman Studies. 1953. Vol. 43. P. 30; *Ogilvie R. M.* Commentary on Livy. Oxford, 1963. P. 539.

[13] *Staveley E. S.* Op. cit. P. 32.

[14] *Boddington A.* The Original Nature of the Consular Tribunate // Historia. 1959. Bd. 8. P. 357.

[15] *Herzog E.* Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. Bd. 1: Königszeit und Republik. Leipzig, 1884. S. 735–736; *Виллемс* П. Римские государственные и правовые древности. Киев, 1890. С. 299–300.

[16] *Herzog E.* Op. cit. S. 735.

Юлиус Биндер полагал, что понимание акта этого года как закона было порождено анналистами[17]. Джованни Ротонди, отмечая отсутствие прямых свидетельств об этом в источниках, не был уверен в том, что это был фактически закон[18]. Противоположную позицию занял Джордж Ботсфорд, признававший законодательный характер принятого решения[19].

В течение долгого времени этот вопрос (после его обсуждения в работах первых лет XX в.) специально не поднимался в трудах по римской политической системе и законодательству Ранней республики и, как мы уже видели, собственно консулярному трибунату. Вновь к нему обратился уже в начале 90-х гг. Унто Паананен[20]. Он стремился доказать практически применительно к каждому из актов, известных как законы о магистратах, что они не были результатом голосования в комициях. Анализируя шестнадцать законов за период 499–171 гг. до н. э., посвященных созданию магистратур или изменению порядка избрания магистратов, он явно склоняется к мысли, что в античной традиции с целью написания истории политических институтов была придумана практика принятия законов по этим поводам[21]. Вместе с тем данный автор в текстах римских и греческих писателей, сообщающих об изменениях в системе республиканских должностей, не находит доказательств именно утверждения законов в этих ситуациях. Отрицая участие центуриатного собрания в голосовании, например, lex de dictatore creando (автор полагает, что как максимум это было слушание сенатского решения на куриатном собрании[22]), а также lex sacrata 494 г. до н. э.[23], lex de creandis decemviris legibus scribundis 452 г. до н. э.[24] и других законов, У. Паананен утверждает, что и решение о создании консулярного трибуната было волеизъявлением не народного собрания, а только сената. Встреча сенаторов с народом могла иметь место, по его мнению, на contio и носила «информативный или консультативный характер». Тем самым У. Паананен отрицает, что в 445 г. до н. э. был принят именно закон (lex) о создании должности военных трибунов с консульской властью.

То, что lex – это непременно принятый голосованием в комициях акт, признают и специалисты по римскому праву, и историки-антиковеды[25]. При этом законодательные функции были у всех трех видов комиций: куриатных, центуриатных и трибутных[26]. Как подчеркивала И. Л. Маяк, «lex всегда связан с populus (*Varro*. LL. VI. 29, 66; *Gell*. X. 20. 2; *Gai*. I. 3; *Fest*. P. 326; *Paul-Fest*. P. 327) в любом значении этого слова»[27]. Следовательно, отрицание факта голосования в народных собраниях означает непризнание того или иного акта законом в римском понимании. Так было ли в 445 г. до н. э. одобрение со стороны народа предложений о введении новой магистратуры?

Прежде чем проанализировать сообщения источников о появлении должности tribuni militum consulari potestate, зададимся вопросом о том, могли ли важные государственные нововведения в Риме V–IV вв. базироваться не на итогах голосования в народном собра-

---

[17] *Binder J.* Die Plebs: Studien zur römischen Rechtsgeschichte. Leipzig, 1909. S. 479.

[18] *Rotondi G.* Leges publicae populi Romani. Mailand, 1912. P. 233.

[19] *Botsford G. W.* The Roman Assemblies from the Origin to the End of the Republic. N. Y., 1909. P. 234.

[20] *Paananen U.* Legislation in the comitia centuriata // Acta Instituti Romani Finlandiae. Helsinki, 1993. Vol. XIII. P. 21–22.

[21] Ibid. P. 14, 16.

[22] Ibid. P. 16, 17.

[23] Ibid. P. 17–19.

[24] Ibid. P. 21.

[25] См., например: *Бартошек М.* Римское право. М., 1989. С. 405–406; *Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права. М., 1972. С. 24; *Кнабе Г. С.* Рим Тита Ливия – образ, миф и история // Ливий Тит. История Рима от основания города. М., 1994. Т. 3. С. 643; *Bleicken J.* Lex Publica: Gesetz und Recht in der Römischen Republik. B.; N. Y., 1975. P. 58–71.

[26] См., например: *Санчурский Н. В.* Римские древности. М., 1995. С. 65–68.

[27] *Маяк И. Л.* Римляне Ранней республики. М., 1993. С. 80.

нии, а на сенатском решении. Исходя из представлений о той роли, которую играл сенат, а особенно patres, сенаторы-патриции, в первые два века Республики, об их сакральных прерогативах и праве подтверждать своим авторитетом решения гражданского коллектива[28], мы отвечаем на него утвердительно. Будучи уверены в том, что компетенция магистратов была в этот период вторичной по отношению к верховенству patres, а mos maiorum и auctoritas patrum были, как и lex, правовыми понятиями[29], мы признаем, что далеко не для всех существенных изменений в государственном управлении Римской республики требовался закон как решение народного собрания на основе предложений магистрата. Это могло быть и постановление patres или всех senatores (auctoritas patrum, senatusconsultum).

Достаточно ли было только сенатского постановления именно в случае создания новых должностей? Ряд авторов в современной историографии, в частности Йохен Бляйкен и Херберт Грцивотц, дают положительный ответ на этот вопрос, считая, что в подобных ситуациях lex был не обязателен[30]. Речь в таком случае уже идет о важнейших реорганизациях системы исполнительной власти. Была ли она принципиально возможна без участия комиций, мы в данный момент затрудняемся ответить. Но даже если допустить такую возможность и признать достаточным для введения новой магистратуры только сенатское решение, следует все же внимательным образом рассмотреть сведения источников о конкретном случае появления должности консулярных трибунов.

Обратимся к Титу Ливию. Когда он первый раз ведет речь о переходе к консулярному трибунату, может сложиться впечатление, что эта магистратура так или иначе уже известна (если не в непосредственной политической практике, то хотя бы в государственно-правовых установлениях): «во время этих совещаний дело дошло до того, что допустили избрание военных трибунов с консульской властью из патрициев и плебеев, в избрании консулов ничего изменено не было»[31]. Во всяком случае, Т. Моммзен полагал, что в этом пассаже Ливия говорится не о введении консулярного трибуната как такового, а о первом предоставлении плебеям права участия в нем[32]. И. В. Нетушил по этому поводу замечал следующее: «Возможно, что сенат прибегал когда-нибудь к полной замене консулов выборными консулярными трибунами, и что сословная борьба воспользовалась этим прецедентом для компромисса»[33]. Действительно, процитированная фраза Ливия, с которой он начинает повествование о консулярном трибунате, дает простор для толкования исследователями: ее с равным успехом можно понять и как решение о переходе к уже известной магистратуре, и как постановление о создании новой должности. Опираясь на этот фрагмент, а также на три других той же четвертой книги Ливия (IV. 7. 1; 12. 4; 55. 6), где ничего не говорится о способе учреждения консулярного трибуната, У. Пананен делает вывод, что ни о каком законе Ливий не упоминает. Это, однако, не так.

О законе (lex), по которому плебеям дозволялось избираться военными трибунами с консульской властью, Ливий вполне определенно пишет, излагая произносившиеся на сходках речи трибунов с консульскими полномочиями 424 г. до н. э. Он вкладывает в их уста в числе сетований по поводу реального предоставления плебеям высших должностей следующие слова: «С величайшими усилиями удалось отвоевать для плебеев право

---

[28] См.: *Дементьева В. В.* Римское республиканское междуцарствие... С. 53–66 и др.

[29] Там же. С. 64–65.

[30] *Bleicken J.* Die Verfassung der Römischen Republik. 6. Aufl. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1993. S. 114–115; *Grziwotz H.* Das Verfassungsverständnis der Römischen Republik: (Ein methodischer Versuch). Frankfurt a. Main; B.; N. Y., 1985. S. 57.

[31] *Liv.* IV. 6. 8: ... per haec consilia eo deducta est res, ut tribunos militum consulari potestate promiscue ex patribus ac plebe creari sinerent, de consulibus creandis nihil mutarentur...

[32] *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht.... S. 165.

[33] *Нетушил И. В.* Очерк римских государственных древностей: Государственное устройство Рима до Августа. Харьков, 1894. Вып. I. С. 170.

быть избранными в военные трибуны. Люди, отличившиеся на военном и гражданском поприще, предъявили свои права. В первые годы их оскорбляли, отстраняли и поднимали на смех патриции и, наконец, те перестали выставлять себя на поношенье. Нам не ясно, говорили на сходках, отчего не отменят закон, дозволяющий то, чему никогда не бывать: ведь узаконенное неравенство не столь оскорбляет, как презрение к будто бы недостойным избрания» (*Liv.* IV. 35. 10–11 – *пер. Г. Ч. Гусейнова*)[34]. Мы привели довольно длинную цитату, чтобы показать, что контекст отчетливо свидетельствует, о каком законе идет речь – о законе, содержание которого непосредственно относилось к должности консулярных военных трибунов. Таким образом, утверждения, что Ливий нигде о законе по поводу военных трибунов с консульской властью не упоминает и не использует в этой связи термина lex, являются неоправданными. У. Паананен, по нашему мнению, не увидел главного свидетельства римского историка.

Второй основной источник, повествующий о создании интересующей нас магистратуры, – труд Дионисия Галикарнасского. Из его описания (*Dionys.* XI. 61)[35] следует, что консулами (ὑπὸ τῶν ὑπατῶν) было составлено законодательное предложение (προβουλεῦμα), которое плебейские трибуны (δημάρχοι) с ликованием вынесли на форум (ἀγορά). Затем на собрание (ἐκκλησία) был созван народ (πλῆθος), постановивший при одобрении сената (βουλή), что домогаться должности плебеи могут вместе с патрициями. Следовательно, Дионисий излагает, на наш взгляд, процедуру, обычную для принятия закона в Риме: законодательная инициатива консулов, на голосование в комициях выносится rogatio, после утверждения народом законопроект превращается в lex. В трактовке У. Паананена все выглядит совершенно иначе. Он считает, что использованный Дионисием термин προβουλεύμα должен однозначно пониматься как senatusconsultum, а ἐκκλησία в данном случае означает contio, т. е. просто сходку, и делает вывод, что и Дионисий сообщает о решении 445 г. как исходившем не от народного собрания, а от сената. Конечно, греческие авторы могли использовать для обозначения senatusconsultum понятие προβουλεύμα, но этим термином они обычно называли и законопроект, предложение для утверждения в народном собрании (применительно как к греческой, так и к римской действительности), предварительное решение совета (буле или, соответственно, сената) о всякой инициативе, выносимой на народное собрание. У Дионисия отчетливо говорится, что προβουλεύμα в данном случае то, что предложено для утверждения народному собранию. Что же касается понятия ἐκκλησία, то оно применимо к любому народному собранию, в том числе и законодательному. А если на него выносится консулами законопроект (ибо это и основное, и конкретное в данной фразе значение слова προβουλεύμα), то, очевидно, за греческим понятием ἐκκλησία скрывается римское – comitia. Нам кажется, что отрицать отражение Дионисием участия народного собрания в голосовании законопроекта по поводу введения консулярного военного трибуната можно только при стремлении во что бы то ни стало на любом примере подтвердить тезис о том, что римские законы о магистратах – это фактически не законы. Да, мы соглашаемся, что даже при важных корректировках функционирования государственного механизма римляне в период Ранней республики могли обойтись без принятия закона, но это не значит, что каждую конкретную ситуацию можно произвольно трактовать в пользу этого утверждения. Если же смотреть непредвзятым взглядом на сообщение Дионисия, то следует признать, что выводы о «консультативном» и «информативном», а не законодательном характере собрания не имеют в нем опоры и явно надуманы. Разумеется, senatusconsultum исключить нельзя, он

---

[34] Summa vi expugnatum esse, ut tribuni militum consulari potestate et ex plebe crearentur. Petisse viros domi militiaeque spectatos: primis annis suggillatos repulsos risui patribus fuisse; desisse postremo praebere ad contumeliam os. Nec se videre, cur non lex quoque abrogetur, qua id liceat, quod numquam futurum sit: minorem quippe ruborem fore in iuris iniquitate, quam si per indignitatem ipsorum praetereantur.

[35] Γραφεται δη το προβουλευμα υπο των υπατον, και λαβοντε' αυτο μετα πολλη' χαρα' οι δημαρχοι προηλθον ει' την αγοραν. Επειτα καλεσαντε' το πληθο' ει' την εκκλησιαν, πολλου' διεθεντο τη' βουλη' επαινου', και παραγγελλειν την αρχην εκελευον τοι' εθελουσι των δημοτικων, αμα τοι' πατρικοι'.

мог быть принят и даже, скорее всего, действительно имел место. Но он был вынесен не вместо закона, а наряду с ним. К тому же сенат и в случае первой замены ординарной консульской магистратуры консулярным военным трибунатом, как и каждый раз впоследствии, должен был принять конкретное решение о такой замене. Без постановления сената дело не обходилось, но не нужно смешивать сенатское постановление о том, что на 444 г. избираются консулярные трибуны, с законом о создании такой должности. На каких комициях проходило утверждение этого законодательного предложения – сказать по этому поводу что-либо определенное достаточно трудно, так как в античной традиции нет об этом никаких упоминаний. Исходя из функций народных собраний, можно предположить, что закон, скорее всего, принимался центуриатными комициями.

Таким образом, нам представляется, что в случае введения должности tribuni militum consulari potestate источники отнюдь не опровергают, а более того, подтверждают наличие закона как принятого голосованием в комициях правового акта. И непосредственное использование Титом Ливием понятия lex применительно к нему, и наиболее естественная интерпретация слов Дионисия Галикарнасского служат тому доказательством.

Признавая наличие принятого в 445 г. закона о введении магистратуры консулярных военных трибунов, зададимся вопросом о возможности реконструкции его содержания. Ливий дает только основание считать, что в нем был зафиксирован доступ плебеев к этой должности (*Liv.* IV. 35. 11). Это подтверждает и Дионисий (*Dionys.* XI. 61). Остальное мы можем лишь предполагать. К тому же практика функционирования данной должности может навести на мысль о том, что кое-что не было оговорено в законе, допустим, численность коллегии, поскольку количество магистратов было величиной непостоянной. П. Виллемс, например, отмечал: «Закон, который создал эту экстраординарную магистратуру, может быть даже возложил на сенат обязанность ежегодно определять число этих магистратов»[36]. Э. Херцог думал, исходя из представлений о том, что полномочия вновь введенных по этому закону магистратов ограничивались по сравнению с консульскими: «в интересах патрициев было позаботиться о том, чтобы эти вопросы в законе не были затронуты»[37]. Логично все же предположить, что компетенция магистратов должна была (хотя и в самом общем виде) в нем быть очерчена, во всяком случае, наверное, оговаривалось наделение их высшей исполнительной властью. Мы не можем сказать точно, каков был записанный в законе официальный титул носителей этой должности. Однако полагаем, что непротиворечивое использование Ливием и другими античными авторами как развернутой формулировки tribuni militum consulari potestate, так и различных вариантов и сокращений позволяет нам считать, что так или иначе она восходит к законодательному документу. Не исключена вероятность, что в нем закреплялось за сенатом право переходить от ординарного консульского правления к консулярному трибунату. В целом, о сколь-нибудь детальной реконструкции содержания этого акта, разумеется, говорить не приходится.

Итак, по-видимому, те немногие свидетельства об обстоятельствах появления консулярного военного трибуната, имеющиеся в античной традиции, позволяют (при разумном доверии к ней) считать его законодательно установленным в качестве новой магистратуры на основе голосования в комициях в 445 г. до н. э. Тем самым можно определить как однотипные по правовому статусу акты создания и ликвидации этой коллегии высших магистратов. Концепция об отсутствии должности военных трибунов с консульской властью в римском конституционном устройстве и точка зрения о ненужности правовой базы для ее введения не выглядят для нас сколь-нибудь убедительными. Мнение о том, что эта должность изначально была зафиксирована при становлении Республики в «консульской конституции», мы также не можем разделить, поскольку конституция Республики не была единым писаным «основным законом», в

[36] *Виллемс П.* Указ соч. С. 300.

[37] *Herzog E.* Op. cit. S. 735.

котором все было предусмотрено на десятилетия и века вперед. Введение должности произошло, на наш взгляд, незадолго до появления первых ее носителей, было проведено в качестве специального закона (lex de tribunis militum consulari potestate creandis), в содержании которого оговаривалось представительство плебеев в этой высшей магистратуре.

V. V. DEMENTIEVA

LA LEGGE SULLA CREAZIONE DELLA CARICA DI TRIBUNI MILITARI CON POTERE CONSOLARE

RIASSUNTO

Il processo di formazione del sistema politico della Repubblica romana svoltosi nei ss. V–IV, comprendeva sia la creazione delle strutture di potere, sia la loro liquidazione. Tra le magistrature, la cui esistenza non aveva varcato i limiti cronologici della prima Repubblica ma aveva reso una notevole influenza sull'ordinamento della *civitas*, sta anche il tribunato militare consolare. Se la tradizione antica parla di una delle leggi del 367 av. Cr. in quanto base giuridica della sua abolizione, non sono altrettanto manifeste le notizie circa la sua istituzione.

Nell'articolo sono poste le questioni su che cosa aveva servito da base giuridica per la creazione della magistratura dei *tribuni militum consulari potestate*, che carattere aveva sulla sua introduzione, chi e quando aveva addottata tale delibera. L'Autrice non sostiene il concetto di D. Solberg sull'assenza della carica di tribuni militari con potere consolare nell'ordinamento statale romano e il punto di vista di R. Sili sull'inutilità della base giuridica per la sua introduzione. Neanche il parere esposto da T. Mommsen che questa carica fosse inizialmente fissata nella «costituzione consolare» al momento della nascita della Repubblica è condiviso dall'Autrice.

L'Autrice polemizza con l'affermazione di U. Paananen che nel 445 av. Cr. i comizi romani non avessero adottato la legge (*lex*) sulla creazione del collegio di tribuni militari consolari e che fosse emanata solo una delibera senatoriale in oggetto. Approvando il fatto che le importanti innovazioni statali nella Roma dei ss. V–IV av. Cr. potevano non essere basate sui risultati della votazione nell'assemblea popolare, ma sulla delibera del senato, l'Autrice ritiene che in questo caso concreto proprio la legge avesse servito da base per l'introduzione della carica. Se U. Paananen non trova in Livio la menzione del termine *lex*, e interpreta le parole di Dionigi (XI. 61) come una semplice discussione alla *contio* della delibera del senato, nel presente articolo si nota l'uso in Livio del concetto di *lex* in riferimento al tribunato consolare (*Liv.* IV. 35. 10–11), mentre le notizie di Dionigi sono considerate come una prova della procedura tipica dell'adozione delle leggi in Roma. Sono state avanzate le ipotesi sul contenuto della legge, essendo impossibile la sua ricostruzione dettagliata.

In generale, gli atti di creazione e liquidazione del collegio dei tribuni consolari sono determinati come identici nel senso giuridico. L'introduzione della carica precedette di poco l'apparizione dei suoi primi portatori, e fu fatta adottare come una legge speciale (*lex de tribunis militum consulari potestate creandis*), nel cui contenuto era prevista la rappresentanza di plebei in questa suprema magistratura.